

«Человек чувствующий» и «человек думающий» в лирике А. Блока

В мире литературного произведения ничто не может появиться случайно и жить своей собственной жизнью, так сказать «соблюдать нейтралитет» по отношению к остальным элементам художественного целого. Важнейшими составляющими литературного текста являются две сферы – эмоциональная и рациональная. С одной стороны, *«любой художественный текст, а значит и художественный мир обладают интеллектуальной аурой...»* [Савельева, с.234]. С другой стороны, природа литературы как вида искусства такова, что художественному миру, созданному писателем или поэтом, присуща вполне определенная эмоциональная палитра.

Чувства во многом определяют жизнь человеческой души, которая является главной целью познания в искусстве и занимает центральное положение в художественном мире. Внутренняя жизнь человека, те процессы, которые скрытно протекают в его душе, приоткрываются для стороннего наблюдения лишь в моменты его взаимодействия с окружающим миром.

Эмоциональная окраска взаимодействия внутреннего мира и внешнего имеет смысловозначительный характер, она важна для понимания идейного содержания литературного произведения. Особую роль она играет, как известно, в поэтическом тексте. Поэзия А. Блока отличается особой насыщенностью и интенсивностью переживания. В данной работе нет возможности рассмотреть, как менялась эмоциональная составляющая художественного мира Блока во всей «трилогии вочеловечения», поэтому начнем с раннего цикла стихов, открывающего первый том стихотворений поэта – «Ante Lucem».

Эмоциональная палитра цикла «Ante Lucem» довольно разнообразна. В душе лирического героя происходит постоянное движение и борьба противоположных чувств. Они неустойчивы и могут быстро сменять друг друга в рамках одного стихотворения.

Уже в первом стихотворении цикла «Пусть светит месяц – ночь темна» называются базовые человеческие чувства – счастье и любовь как его предпосылка. Лирический герой убежден в призрачности счастья, которое манит, как возвышенная мечта, но никогда не достижимо в действительности:

*Где счастье брежжит нам порою,
Но предназначено - не нам*
[, с.3].

Герой сосредоточен на своем внутреннем мире, который он противопоставляет внешнему окружению. Подчеркивается значимость его душевных переживаний, связанных с болью, страстями, но тем не менее представляющих для него единственную ценность и не сравнимых со счастьем других людей, которые для поэта объединяются в одну безликую массу – толпу.

Ведущим чувством ряда стихотворений цикла становится тревога, которая определяет душевное состояние героя и связывается с ночным временем суток. Природные явления ночного мира одушевлены: месяц молчит, луг бледный, мрак ползет, отдыхает и спит. Стихотворение «Полный месяц встал над лугом» напоминает сон, в котором герой созерцает некий пейзаж. Взаимодействие между природными стихиями и лирическим героем отсутствует, но герой ощущает, что его активные действия чреватые непонятными, но от этого еще более пугающими последствиями:

*Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога
Под луной царит*
[, с.6].

В то же время жуткие и тревожные ощущения, испытываемые героем, в общем-то беспричинно, его самого несколько удивляют, так как он точно знает, что днем этот же пейзаж произведет на него совершенно иное впечатление – активно кипящей «под каждой былинкой» жизнью. Негативные переживания не снимаются даже оптимистическим описанием солнечного дня и обещанием, что этот день принесет с собой возможность следовать задуманным путем – «и тогда пойдешь тропинкой», – но это все касается будущего («пойдешь»), а тревога переживается в настоящем времени, следовательно, является актуальной для лирического героя.

Ощущение тревоги в полной мере подтверждается пессимистичным настроением стихотворения «Моей матери» («Друг, посмотри, как в равнине небесной...»). Лирический герой убежден, что стремление к возвышенному, олицетворяемому небом, луной, звездами, являются совершенно бесплодными. «Холод могильный везде тебя встретит / В дальней стране безотрадных светил...» – таков его вывод [с.7].

Некоторые стихотворения цикла строятся на антитезе «я» - «другие люди», что означает противопоставление мира внутреннего (души лирического героя) и мира внешнего, социального. Такого рода оппозиции послужили поводом для адресованных Блоку упреков в индивидуализме. Нельзя не согласиться с утверждением И. Машбиц-Верова в несостоятельности этих обвинений, но не только потому, что в ранних стихах Блока находит выражение «*одиночество поэта, оторванного от жизни, ищущего выхода в иллюзии*» [М-В. с.275]. Во многом здесь сказалось глубокое влияние романтической традиции, для которой характерно противопоставление поэта и толпы.

В уже упомянутом стихотворении «Пусть светит месяц – ночь темна» душа лирического героя «больна», «облита ядом», она смотрит на мир «*тусклым взором*». Названные качества дают основания для того, чтобы представить героя бездейственным и смиренным, однако во внутреннем мире героя противоположности сосуществуют. Его душа одновременно обуреваема страстями, которые герой не желает демонстрировать миру. Он блуждает в толпе, «*страсти затая*», переживая состояние «*бурного ненастья*».

Лирический герой совершенно убежден в своей правоте. Стихотворение начинается и заканчивается активным утверждением:

*Пусть светит месяц - ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье,—
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья*

[с.7].

Повторенное дважды, в начале и в конце стихотворения, это утверждение звучит как программный манифест поэта. Таким образом, автор отвергает внешний мир. Он не привлекает лирического героя, который демонстративно заявляет, что ценность для него представляет только его внутренний мир, несмотря на изъязны, которые ему присущи, тщетность блужданий, а, может быть, даже благодаря им, ведь даже яд, которым поражена душа героя, назван «сладким». Эмоциональное состояние лирического героя раскрывается с помощью ряда приемов, среди которых выделим использование активной частицы «пусть» для утверждения своей позиции, прием контраста, использование эмоционально окрашенных эпитетов и метафор – «сладкий яд», «бурное ненастье» как описание душевного состояния и т.д.

Чувства лирического героя часто сосредоточены на ожидании встречи с жизненными невзгодами. «Мой друг, я чувствую давно, / Что скоро жизнь меня коснется...» – так обращается он к своему оппоненту в стихотворении «Ты много жил, я больше пел...». Временной план стихотворения охватывает прошлое, настоящее и будущее. Переживаются они различно. Сожалению по отношению к адресату стихотворения, душа которого «уже в цепях», противопоставляется ощущение легкости и полета, которые характеризуют прошлое и настоящее лирического героя, состояние его души: «Моя - вольна: так тонкий прах / По ветру носится в лазури» [с.5]. Героя сближает с оппонентом общее будущее, в котором чувство свободного полета сменится усталостью, «смрадом туманным». Однако поэт и в этом стихотворении уходит от однозначной оценки внутренней жизни героя. Уже в настоящем он описывает ее как соединение противоположных состояний: безграничная свобода души, парящей в небе, противопоставлена сердцу, которое «в землю снесено / И никогда не встрепенется!» [с.5]. Коррелирующие друг с другом оппозиции – верх-низ, душа-сердце, небо-земля – объединяются словом «прах». Оно появляется в чуждом для него контексте: душа героя парит в небесной лазури, как прах. И это слово разрушает идиллическую картинку полной свободы внутреннего мира героя, открывая ряд негативных образов, с которыми он связывает свое будущее. И еще одно чувство здесь не названо прямо, но

подразумевается – надежда, которая звучит в последних строчках стихотворения. Герой обращается к своему адресату, приглашая его разделить с собой минуты усталости: *«Ты отдохнуть ко мне приди, /А я - к тебе, мой друг желанный!»* [с.5].

Таким образом, внутренний мир героя расширяется. Противоречия остаются, но отказ от жизни сменяется ее приятием, несмотря на то, что сейчас жизнь как раз и становится источником «вихрей и бурь». Вспоминаются знаменитые лермонтовские строчки: *«А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой!»*

Стихотворение «Я стремлюсь к роскошной воле...» является переломным в лирическом цикле Блока. От бесцельных блужданий, сомнений и неверия герой переходит к активным действиям. Жизнь лирического героя обретает цель, на достижении которой сосредоточены все его усилия. Стремление к цели является для Блока, по мнению Д. Максимова, *«главным признаком подлинного поэта, отличающегося этим признаком от певца, который еще не успел прозреть»* [Максимов, 50].

В стихотворении «Я стремлюсь к роскошной воле» метафорически цель обозначена в эпиграфе из Жуковского – цветок, растущий в «прекрасной стороне». Обретение этого сказочного цветка, по мысли героя, станет воплощением его заветной мечты о «роскошной воле», похожей на «чудный сон». Стихотворение лишено противоречивости, оно развивается стремительно и наполнено чувством уверенности в будущем. Переживание блаженства связывается поэтом с дальним голосом, звучащим в сердце лирического героя.

В стихотворении «Разверзлось утреннее око» душа лирического героя летит к Востоку, облитая сиянием солнечного света, а ее дневное странствие завершается в лучах вечерней зари [с.39].

Однако в других стихотворениях цикла Блок еще не раз будет выражать сильнейшие чувства сомнения и разочарования в возможности достижения своей цели. «Вечно пламенная» душа лирического героя, его стремление к «святому огню» сменяются ощущением бессилия и тоски:

Но, видно, я тяжелою тоскою

Корабль надежды потопил!
[с.18].

или:

*Я стар душой. Какой-то жребий черный –
Мой долгий путь*
[с.22].

Такое состояние лирический герой обычно испытывает в моменты рефлексии, осмысления своей жизненной стези. Он видит себя стоящим на «перепутьи двух дорог» [с.42], пытаясь определить направление своего дальнейшего движения.

Выбор направления пути сделан не произвольно. Лирический герой подчиняется неведомой силе, которая «живым огнем небес согрета» [с.23]. Эта сила наделяет его самого способностью светиться «во мраке небытия» земного существования [с.24], делая его жизнь осмысленной. Но это не избавляет лирического героя от сомнений и тревоги, от остановок на этом пути, когда уверенность сменяется тяжелыми раздумьями. Все силы лирического героя сосредоточены на попытках расшифровать смысл того, что он называет «таинственным, еще невнятным знаком» [55].

Постепенно путь, которым следует поэт, становится все более определенным:

*Мой дух летит туда, к Востоку,
Навстречу помыслам творца*
[с.39].

В таких стихотворениях на первый план выходит всепоглощающее чувство одиночества и печали. Лирический герой как бы балансирует на грани между двумя безднами. С одной стороны, это мир дольний, который связан с «мраком небытия», суетой, тоской, печалью, одиночеством и другими негативными переживаниями. С другой стороны, героя влечет мир небесный, дающий надежду на истинное блаженство и счастье. Сама земная жизнь, лишенная счастья, где «нечем сердцу веселиться», имеет смысл лишь постольку, поскольку именно здесь лирический герой получает возможность достичь сияющего огня горнего мира:

*Я жить хочу, хоть здесь и счастья нет,
И нечем сердцу веселиться.
Но все вперед влечет какой-то свет,*

И будто им могу светиться!

[с.22].

В цикле «Ante Lucem» поэт ставит важнейшие экзистенциальные проблемы – счастья, любви, безумия, предназначения поэта, жизни и смерти.

Тема смерти звучит уже в одном из самых ранних стихотворений Блока:

*Холод могильный везде тебя встретит
В дальней стране безотрадных светил...*

[с.7].

Внутренний мир героя крайне противоречив и динамичен. В нем активная душевная жизнь временами соединяется с могильной неподвижностью сердца. В то время, как душа его «*по ветру носится в лазури*», сердце лирического героя «*в землю снесено / И никогда не встрепенется!*» [с.5].

В дальнейшем поэт высказывает парадоксальную мысль о том, что смерть любимого существа должна пробуждать чувство радости оттого, что его земные мученья сменились вечным счастьем. Смерть рассматривается как освобождение от безжалостной ночи окружающей действительности. Поэт раскрывает свое понимание смерти как необходимого момента на пути к обновлению земной жизни. Лирический герой убеждает свою возлюбленную, что смерть – это кратковременный переход к более совершенному состоянию. Уже в этом первом поэтическом цикле Блока звучит ницшеанская тема вечного возвращения, чрезвычайно популярная среди символистов¹. Лирический герой обещает:

*Тебя покину. Скоро вновь
Вернусь к тебе еще блаженней
И обновлю мою любовь
Любовью ярче и нетленней*

[с.23].

Внутренний мир лирического героя отгорожен от внешнего окружения, но замкнутым его назвать нельзя. Поэтическое пространство противопоставлено житейскому, обыденному, будничному и открыто для реалий культуры. В цикле есть множество явных и неявных отсылок к творчеству поэтов, которые входили в круг литературных интересов Блока: В. Жуковский, Г. Гейне, М. Лермонтов, У. Шекспир, Я. Полонский и др. Можно рассматривать это как подражательность, присущую

¹ В частности, идея вечного возвращения лежит в основе третьей симфонии А. Белого «Возврат».

практически каждому молодому поэту. С другой стороны, таким образом поэт расширяет рамки своего художественного мира, в котором литературные образы становятся более реальными, чем большинство людей, окружающих поэта в действительности и воспринимаемых им как некие достаточно абстрактные схемы. Чужие строки (например, Я. Полонского) становятся органической частью блоковского стихотворения:

*Ужель живут еще страданья,
И счастье может унести?
В час равнодушного свиданья
Мы вспомним грустное прости...»*
[с. 13].

Снова и снова лирический герой Блока видит во сне себя в роли Гамлета. В его сознании реальный и литературный миры сливаются воедино. И Гамлет теперь не только персонаж шекспировской пьесы, но одновременно – поэт, как сам автор стихотворения.

Поэтическое пространство Блока способно включать в себя не только собственно литературные реалии. В некоторых стихотворениях цикла оно расширяется до космических масштабов.

Уверенность в «*бытия возвратном движеньи*» [с.49] дает поэту надежду на возрождение «*погибших городов*». Он видит себя «*свидетелем гибели вселенной*» [51], и эта гибель также вызывает у него радостное ликование, потому что за этим последует обновление мира – «*рассвет великого рожденья*» [56].

Возникающее в стихах Блока видение космических катастроф сравнимо с аналогичными образами в «*Старшей Эдде*» («*Прорицание Вёльвы*») или в «*Божественной комедии*» Данте:

*Когда миров нечисленный хаос
Исчезнул в бесконечности мученья. -
И всё таинственно роптало и неслоь.
Тяжелый огонь окутал мирозданье,
И гром остановил стремящие созданья.
Немая грань внедрилась до конца*
[с.56].

И вот из этого мифологического хаоса возникает новое творенье – из мрака рождается разум, несущий идею обновления мира:

*Из мрака вышел разум мудреца,
И в горной высоте - без страха и усилья –
Мерцающих идей ему взыграли крылья*
[с. 56].

Поэтическое «Я» также приобретает космический масштаб:

*Дух всколеблет эфир
И вселенной немое забвенья,
Придвигается мир
Моего обновленья*
[с. 70].

Сознание лирического героя сосредоточено на осмыслении предназначения поэта и определении своего жизненного и творческого пути. От хаотических блужданий и сомнений, обуревающих его в первых стихотворениях цикла, происходит переход к целеустремленному движению по направлению к некоему идеалу. И хотя идеал еще не определен, а дорогу поэт «еще неясно различает» «в сыром ночном тумане» [с.22], но вектор движения уже задан. Цель, к которой он стремится, призрачная и неопределенная, описывается в стихах как свет, сияющий «далёко суетной земли» [с.24], как дальняя страна [с.28].

В стихотворении «Не призывай и не сули» главные герои лирической драмы цикла обозначены вполне отчетливо:

*Я – одинокий сын земли,
Ты – лучезарное виденье*
[с.47].

Поэт подчеркивает, что начальный этап процесса самоопределения лирического героя завершен. Он знает, слышит ясно и понимает ту, которая отныне становится его путеводной звездой [с.47]. Это не значит, что сомнения навсегда оставили поэта. Но уже сформировался тот стержень, который определил дальнейшую траекторию пути Блока и о котором Марина Цветаева сказала, обращаясь к поэту: «*Нерушима твоя стезя*». И в дальнейшем, какие бы изменения и трансформации не происходили в его творчестве, они не означали «полной

отмены предшествующих стадий и явлений поэтического сознания Блока» [Максимов 22].

Геометрия движения мысли в цикле напоминает непрерывное качание маятника между двумя полюсами: от знания и уверенности в себе – к мучительным переживаниям и колебаниям, от света – к тьме и обратно к свету. Как точно заметил Д. Максимов, к теме необходимости неперемкнутого прохождения через мрак на пути к свету «Блок начал исподволь подходить еще в «Ante Lucem», прославляя страдание как путь к мудрости...» [Максимов 133].

Поэт открывает горный источник своего вдохновения:

*Ко мне незримый дух слетел,
Открывший полных звуков море...*
[с.5].

В отличие от пушкинского пророка («восстань, пророк, и виждь, и внемли»), здесь акцентируется внимание на открывшейся перед поэтом способности слышать звуки мира, которые в дальнейшем определяют своеобразие блоковской поэтики.

С особой силой тема поэта-пророка звучит в стихотворении «Гамаюн, птица вещая». Кровь запеклась на устах вещей птицы, настолько ужасны ее видения:

*Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...*
[с.19].

И только любовь способна дать силы противостоять будущим испытаниям («прекрасный лик горит любовью»). Поэт-пророк, Блок уже в этих ранних и технически, возможно, несовершенных стихах, предсказывает и свою судьбу:

*Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверьи Идеала
Туманным факелом моим*
[с.21].

Освещая путь к идеалу, поэт сам превращается в горящий факел:

*И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.*
[с.21].

Таким же видел Блока и его близкий друг, поэт А. Белый, иронически обыгравший этот образ в «Драматической симфонии»: «Скок да скок на костер великий Блок: удивился, что не сгорает. Вернулся домой и скромно рассказывал: «Я сгорал на снежном костре». На другой день всех объездил Волошин, воспевая «чудо св. Блока»» [с. 268].

Делая выбор между рассудочным знанием и неясными ощущениями, переживаемые лирическим героем, поэт отдает предпочтение последним («Полный месяц встал над лугом...»).

Таким образом, в поэтическом сознании раннего Блока происходит непрекращающаяся борьба непримиримых начал – темного и светлого, земного и небесного, языческого и христианского, индивидуального и народного, как в протоплазме кипят страсти, ищут выхода мощные стихийные силы. Период написания цикла «Ante Lucem» стал важным этапом формирования художественного кредо поэта, когда происходило вызревание тех творческих импульсов, которые станут стержневыми для всей «трилогии вочеловечения» Блока.

Литература.

1. Блок А. Собр. соч. в 8-ми т. / А. Блок. – Т.1. – М. – Л.: Худож. лит-ра, 1960. – 715 с.
2. Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока / Д. Максимов. – Л.: Советский писатель, 1981. – 552 с.
3. Савельева В.В. Художественная антропология / В. В. Савельева. – Алматы: АГУ им. Абая, 1999. – 281 с.
4. Машбиц-Веров И. Русский символизм и путь Александра Блока / И. Машбиц-Веров. – Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1969. – 349 с.
5. Белый А. Симфонии / А.Белый. – Л.: Худож. лит-ра, 1991. – 526 с.